

Тяньцзин. Ворота Воинственного Превосходства

За Воротами Воинственного Превосходства колыхалось неоглядное море боевых знамен.

Войско стояло наготове, ожидая лишь приказа к выступлению. Император Юйчэн лично прибыл к Воротам Воинственного Превосходства, чтобы проводить в дальний путь принца Чэна и Чун Дая. Вся придворная знать, гражданские и военные чины выстроились бесконечными стройными рядами, затаив дыхание в торжественном безмолвии.

Фу Исянь, чье скромное чиновничье звание не позволяло стоять впереди, держался в самых задних рядах. Издалека он наблюдал за происходящим на высоком помосте. Там, под сенью парчовых балдахинов, Чун И величественным жестом подносил воинам чаши с напутственным вином. Приняв чашу из рук государя, Чун Дай опустился на одно колено и громогласно поклялся искоренить северных варваров-бэйди, не щадя собственной жизни ради процветания престола.

Император с благосклонной улыбкой поднял полководца с колен и ласково взял его за руку. До нижних рядов долетали лишь обрывки его царственных речей: государь превозносил Цзыхоу как лучшего мужа среди благородных родов империи, делился своими великими надеждами и сулил скорую награду за победные вести, кои должны были утешить его монаршее сердце. Чун Дай в ответ лишь склонял голову, уверяя, что столь великую милость престола ему не отплатить и за тысячу жизней.

Взирая на эту безупречную придворную драму о мудром правителе и преданном слуге, Фу Исянь чувствовал, как по его спине струится ледяной пот. В ушах его набатом гремели вчерашние хмельные речи, произнесенные на верхнем этаже ресторана «Взлет Процветания». Там, яростно скрежеща зубами, Чун Дай процедил ему прямо в лицо:

«А престол твоего императорского старшего брата — вовсе не незыблемая твердыня».

Тем временем Чун И пожаловал генералу знамя авангарда. На тяжелом черном шелке золотыми нитями пламенели крупные, размашистые иероглифы: «Генерал, Покоряющий Варваров», а пятицветные шелковые кисти шумно трепетали под порывами степного ветра. Вслед за знаменем полководцу вручили и печать авангарда.

Принц Чэн принял из рук императора печать инспектора армии и тигриный амулет, дающий право командовать войсками старого генерала Фу Юаньтая. Вместе с ними ему преподнесли знамя инспектора армии и прочие знаки воинского отличия.

Стоя на краю помоста, овеваемый ветрами, Чун Дай так и лучился триумфом и молодой отвагой. Но стоило ему случайно повернуть голову и заметить в серой чиновничьей толпе изможденное, бледное лицо Фу Исяня, как горделивый блеск в его глазах мгновенно угас.

Исянь не отрывал взгляда от двоюродного брата. Все сомнения и страхи вчерашнего вечера

вдруг отступили, уступив место странной, отчаянной решимости. Сделав глубокий вдох, он уверенно шагнул вперед, покидая строй мелких чинов, и почтительно склонился перед помостом:

— Ваше Величество, Ваш покорный слуга дерзнул явиться с ничтожным подношением для генерала Чуна.

Император Юйчэн недовольно нахмурился, узнав нарушителя церемониального строя.

— И что же наш любезный подданный Фу приготовил для уходящего в поход воина? — прохладно поинтересовался государь.

— Смее доложить Вашему Величеству: флейту из пурпурного бамбука, сработанную аньхойскими умельцами.

Услышав эти слова, Чун Дай едва заметно вздрогнул. Это секундное замешательство не укрылось от пронизательного взгляда Чун И.

— Поднесите ее Нам, — повелел император.

Молодой евнух торопливо принял из рук Исяня длинный футляр и почтительно поднес его государю.

Это и впрямь был великолепный инструмент. На темном, отливающим багрянцем теле флейты узорным кольцом вилась изумрудная шелковая нить, а торцы были бережно запечатаны белым воском. Края инструмента украшали костяные ободки, а вдоль ствола шла искусная гравировка — изящная строчка мелких иероглифов: «На тысячу ли кругом весенние краски ранят сердце».

Император бесстрастно вертел бамбуковый ствол в длинных пальцах. Придворные внизу испуганно переглядывались, безуспешно сясь разгадать думы владыки по его каменному лицу.

— Цзыхоу, — наконец негромко промолвил государь. — Мы и не ведали прежде, что ты искусен в игре на флейте.

Чун Дай поспешно опустился на колени:

— Ваше Величество, ничтожный слуга лишь поверхностно знаком с музыкальной грамотой. Назвать мое умение искусством было бы величайшей дерзостью.

— Вот как? — Чун И скользнул взглядом по стоящему внизу чиновнику. — Стало быть, наш Юаньшань — истинный ценитель этого ремесла?

— Осмелюсь доложить Вашему Величеству, — отозвался Фу Исянь. — В былые годы в провинции Аньхой Ваш слуга сподобился встретить преподобного Мяоиня. Тот и обучил меня игре на этом инструменте, оставив сию флейту на память.

Император на мгновение задумался, а затем разразился громким, искренним смехом.

— Чудно! Просто чудно! Коли так, любезный Фу, сыграй-ка для Нас прямо здесь! Пусть напев твоей флейты укрепит боевой дух Нашего воинства и прославит величие Поднебесной!

Фу Исянь не стал жеманиться или молить о прощении за неумение. Приняв бамбуковый инструмент из рук государя, он твердой поступью подошел к самому краю помоста, поднес флейту к губам и выдохнул первый звук.

Голос бамбука поплыл над Воротами Воинственного Превосходства — чистый, округлый, удивительно звонкий и певучий. Чун Дай, стоявший по правую руку от него, мгновенно поймал ритм и зычным, раскатистым голосом принялся декламировать древние стихи:

«Мы держим путь к заставе дальней Юймэнь,

Врага тесним у грозных гор Цзиньвэй!

Поет уныло флейта лад «Опавшей сливы»,

Но сталь клинков светлее полной луны!

Грохочут барабаны над морской волной,

И ратный дух вздымается до облаков!

Клянемся сокрушить шаньюя спесивую главу

И принести покой в теснины Железных Ворот!»

Мелодия флейты парила над площадью, улетая к серым облакам, а величавые поэтические строки гулким эхом отражались от крепостных стен. В то же мгновение сердца тысяч воинов забились в едином порыве безудержной отваги.словно раскат весеннего грома, над Воротами Воинственного Превосходства пронесся ответный рев многотысячного войска:

— Клянемся сокрушить шаньюя спесивую главу и принести покой в теснины Железных Ворот!

Этот клич взлетел к небесам над Воротами Воинственного Превосходства и еще долго дрожал

в холодном воздухе, не желая стихать.

Когда замер последний аккорд, Чун И весело рассмеялся, выказывая глубокое удовлетворение.

— Превосходно! Обычная бамбуковая флейта, а как возвысила дух Нашего непобедимого войска! Цзыхоу, прими сей дар от Юаньшаня. Храни его бережно и никогда не забывай о сегодняшнем дне.

Чун Дай повернулся, чтобы забрать инструмент. Он полуопустил веки и упорно избегал смотреть Фу Исяню в глаза. Но в то мгновение, когда они соприкоснулись пальцами на прохладном бамбуке, Исянь едва слышно прошептал ему на самое ухо:

«Слезам обольешь одежды свои, взирая на луну на чужбине... Но кто на сонной реке сыграет нам снова на флейте?»

Чун Дай вздрогнул всем телом, словно от удара бичом. Он разжал пальцы, и бамбуковая флейта с сухим стуком покатилась по деревянному настилу помоста.

Чун И, разумеется, заметил это минутное замешательство, но сделал вид, будто ничего не произошло. Он уже дружески увлек принца Чэна в сторону, ведя с ним неторопливую беседу о делах снабжения.

Фу Исянь молча наклонился, бережно поднял инструмент с досок и вновь вложил его в дрожащие руки двоюродного брата. Затем он отвесил глубокий, до самой земли поклон, сошел с помоста и бесследно затерялся среди безликих рядов придворной знати.

<http://bllate.org/book/19874/2029532>